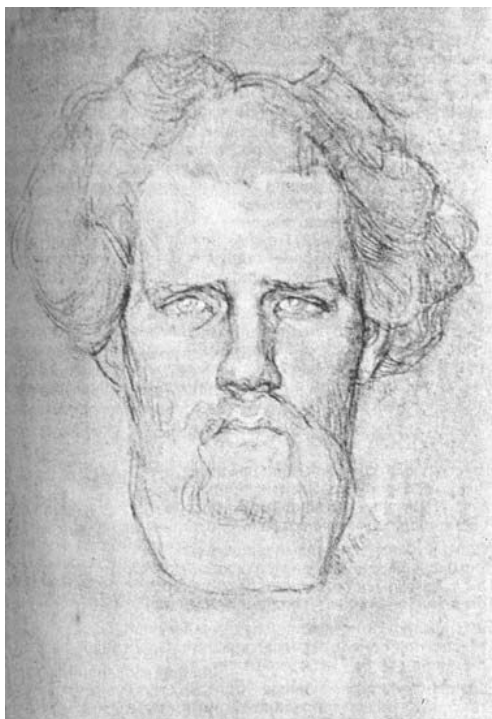

Максимилиан Волошин – портреты

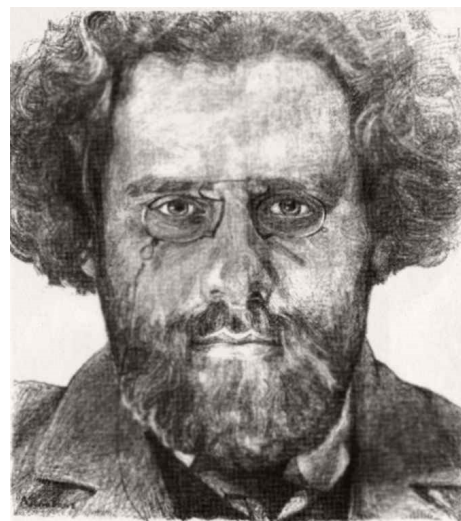
Портрет М. Волошина
Худ. В. Харт

Имя Максимилиана Волошина замалчивалось официальными властями вплоть до 1977 года, когда к 100-летию со Дня рождения поэта удалось выпустить маленькую книжечку его стихов с большими купюрами. Почти шестьдесят лет в культурной среде его стихи переписывались от руки и перепечатывались на машинке, редкие выставки его акварелей вызывали огромный интерес.

“С головой Зевса и туловищем медведя”, – так Валентин Катаев недружелюбно, однако правдиво, дал представление о внешности Максимилиана Волошина. Мол, был такой эстетствующий средненький поэт-сибарит, выпавший из эпохи и забытый почти всеми. В своё время он проповедовал модные истины, подобно Моисею, спустившемуся с Синая. Остался дом – нечто вроде музея, и могила, притягательная для курортников, куда вместо цветов принято приносить диковинные морские галечки. Да, было хорошо организованное официальное забвение, десятилетиями Волошина в СССР не издавали, ибо не вмещался он в хорошо соструганные литературные

рамки. Но всё шли, шли “паломники” в его кокетельский дом и переписывали там созвучные душе стихи из четырёх увесистых машинописных сборников, переплетённых в холстину.

Сегодня же без Волошина не обходится упоминание о Серебряном Веке, печатаются его поэтические сборники и тома прозы, публикуются акварели и воспоминания, причём не только на родине. В 1984 году французское издательство “YMCA-PRESS” выпустило практически полное собрание стихотворений и поэм с обширным комментарием. В наши дни (июнь-июль 2010 года) в рамках года “Франция-Россия” открыта выставка “Волошин в Париже” на площади Сюльпис французской столицы. И это вполне объяснимо – Волошин считал Париж своей духовной родиной, жил там неоднократно и подолгу. Считается, что именно Волошину российские музеи обязаны прекрасным собранием нового французского искусства,

Портрет М. Волошина
работы А. Головина

поскольку коллекционер и меценат Сергей Щукин доверял его вкусу, эрудиции и прозорливости. Эрудиция и контакты у Волошина были необъятными. Он общался с Бальмонтом, Белым, Бенуа, Брюсовым, Блоком, Мережковским, Мейерхольдом, Станиславским, Гумилёвым, Цветаевой, Суриковым, Сарьяном. Добавим сюда Модильяни, Верхарна, Метерлинка, Родена, Штайнера.

Начало двадцатого столетия, наполненное путешествиями, подарило Волошину встречи со странами, людьми, произведениями искусства и литературы, оставило глубокий след в формировании его мировидения.

«1900 год, стык двух столетий, был годом моего духовного рождения. Я ходил с караванами по пустыне. Здесь настигли меня Ницше и «Три разговора» Вл. Соловьёва. Они дали мне возможность взглянуть на всю европейскую культуру ретроспективно – с высоты азийских плоскогорий и произвести переоценку культурных ценностей».

*...Я возвращался, чтоб взять и усвоить,
Всё почувствовать, всё пережить,
Чтобы связать полноводное устье
С чистым истоком Азийских высот.
С чем мне сравнить ликование полёта
Из Самарканда на запад – в Париж?...*

«Четверть века»

В. Кругликова. Портрет М. Волошина. Париж. 1903 г.

В 1901 году М. А. Волошин приезжает в Париж второй раз и надолго связывает свою жизнь с этим

Портрет М. А. Волошина работы А. Якимченко. Париж, 1902 г.

городом. В апреле он нанес визит к Е. С. Кругликовой. «Очень скоро Макс становится центром моего круга знакомых, бесконечно увеличивая его. В мастерской появляются новые лица, русские и французские поэты и писатели. При участии Макса создан Русский Артистический кружок в Париже», – писала она в своих воспоминаниях.

Волошин рисует в ателье Кругликовой, учится живописи в академии Коларосси, впитывает французскую литературу. Круг его интересов распространяется на все

проявления современной культуры Франции. Его рецензии на французские события и критические статьи печатаются во многих периодических изданиях России.

В Париже в это время М. А. Волошин общается с французскими поэтами и писателями – М. Леклерком, Анри де Ренье, Ж. Леметром, А. Мерсеро, О. Мирбо, Э. А. Модильяни, П. Пикассо, Д. Риверой, А. Озанфаном, скульпторами – А. Бурделем, Ж. Шармуа, А. Майолем, а также – с Т. Гарнье, Г. Брандесом, теософами А. Минцловой, А. Безант, Г. Олькотом, антропософом Р. Штейнером, оккультистом Папюсом. В 1905 году посвящён в масоны Великой Ложи Франции, а в 1908 – во 2-ю масонскую степень, в 1909 – возведён в степень мэтра, получает именной «Устав...».

Восхищение французской столицей выливается в необыкновенно живописный цикл «Париж»:

*Осень...Осень...Весь Париж,
Очертанья сизых крыш
Скрылись в дымчатой вуали,
Расплылись в жемчужной дали...*

Эдвард Виттиг за работой над скульптурным портретом М. А. Волошина в своей парижской мастерской

В 1904 году, будучи в гостях у Вячеслава Иванова в Женеве, он записал в свой дневник его слова: «...У Вас удивительно красочный язык. Вы редко хорошо рассказываете. Это тонкая живопись, до мельчайшей детали... у Вас глаз непосредственно соединён с языком. В ваших стихотворениях как будто глаз говорит. Всё необыкновенно закончено...».

Его портреты создавали такие известные современники, как Головин, Остроумова-Лебедева, Верейский, Петров-Водкин, Диего Ривера. В 1908 году польский скульптор Эдвард Виттиг создаёт большой скульптурный портрет М. А. Волошина, который был выставлен в Осеннем салоне, приобретён мэрией Парижа и в следующем году был установлен на бульваре Эксельман 66, где стоит по сей день.

В коротенькой автобиографии, напечатанной в 1909 году, Волошин писал «...События жизни исчерпываются для меня странами, книгами и людьми... Люди: лишь за последние годы они стали занимать в жизни больше места, чем страны и книги...». В другой автобиографии, 1911 года, уточнял связь своих впечатлений и

творческой работы: «...Наибольшее влияние, как творческое перерождение, оказали путешествия: 1900 г. в Средней Азии (в голодной степи, куда был выслан), затем исходил пешком почти всю Испанию, Италию, Балеарские острова и Грецию. Также Альпы и Пиренеи. Сильные впечатления в Париже 1899-1909 гг.; с большими промежутками возвращался в Петербург, как домой. Путешествовал не как литератор, а как художник: смотрел на живопись, как на подготовку к художественной критике и как на выработку точности эпитетов в стихах». А уже в 1925 году сорокавосемилетний мастер, резюмировал этот период своей жизни: «... В эти годы – я только впитывающая губка, я весь – глаза, весь – уши. Странствую по странам, музеям, библиотекам... Кроме техники слова, овладеваю техникой кисти и карандаша... Этапы становления духа: буддизм, католичество, магия, масонство, оккультизм, теософия, антропософия. Также период больших личных переживаний романтического и мистического характера...» Максимилиан Волошин интересовался всем новым и оригинальным – в литературе, искусстве, философии, бытии. По зёрнышку собирал он всё, что отвечало его мировоззрению, что выкристаллизовалось затем в его необычайную толерантность, провидческие строки поэзии, удивительные акварели, своеобразные критические статьи и лекции. Тяготая к христианству и старообрядчеству, Волошин и в повседневной жизни и в творчестве стремился к самоограничению и самоотдаче. «Вы отдали и этим вы богаты, но вы рабы всего, что жаль отдать», – говорил он, признавая единственной физической собственностью Дом и библиотеку. «Давал всё, давал всем», — вспоминала Марина Цветаева.

В 1903 году в Москве в гостях у известного коллекционера С. И. Щукина Максимилиан Александрович встретил девушку, поразившую его своей своеобразной красотой, утончённостью и оригинальным мировосприятием. Звали её Маргарита Васильевна Сабашникова. Художница репинской школы, поклонница творчества Врубеля, известная в артистической среде как тонкий портретист и колорист, а также поэт направления символизма, она покорила сердце Волошина. В эти годы их встреч он писал:

*...Я б из себя все впечатленья
Хотел по-Вашему понять,
Певучей рифмой их связать
И в стих вковать их отраженья...*

«Письмо»

12 апреля 1906 года они обвенчались в Москве. Но, увы, слишком разным оказалось их миропонимание, слишком назидательным тон Маргариты Васильевны. Волошин, не приемлющий учительство, а только – спутничество, пытался спасти любовь от будней. Но брак оказался недолгим, уже через год они расстались, сохраняя дружеские отношения до конца жизни Волошина.

Находясь в самой гуще европейской культурной жизни, Волошин, тем не менее, всё чаще обращает свой мысленный взор на древнюю Киммерию. «...Коктебель не сразу вошёл в мою душу: я постепенно осознал его как истинную родину моего духа.

И мне понадобилось много лет блужданий по берегам Средиземного моря, чтобы понять его красоту и единственность...», — писал он позже в автобиографии. «...Историческая насыщенность Киммерии и строгий пейзаж Коктебеля воспитывают дух и мысль....»

В 1903 году Максимилиан Волошин принимается за постройку собственного дома. Сохранились его эскизы проекта дома. Уникальна внутренняя планировка – 22 небольшие комнаты все соединены дверьми так, что войдя в дом, можно пройти по всему дому, не выходя на улицу. Но из каждой комнаты имелась дверь наружу – можно было уединиться и жить, как в келье. Дом изначально планировался для удобства гостей, для их отдыха, творчества и взаимного общения.

Дом строился в два этапа. В 1913 году Волошин заканчивает пристройку к дому – из дикого камня высоким эркером двусветную Мастерскую:

*Всей грудью к морю, прямо на восток,
Обращена, как церковь, мастерская...*

«Дом Поэта»

Здание, с разными ритмами архитектурных объёмов и окон, опоясанное светло-голубыми террасами-палубами, с вышкой-мостиком получилось удивительно гармоничным, составляя единое целое с коктебельским пересекающимся ландшафтом.

Трагическая и величавая гряда древнейшего вулкана Карадаг, миллионы лет назад устроившего гигантскую скальную инсталляцию – портрет-памятник *genius loci* (гению места) Максимилиану Волошину – с юго-запада, оживающий мыс Хамелеон и застывшие волны киммерийских холмов, вознёсшие к небу могилу Поэта – с северо-востока обрамляют необыкновенной красоты залив, на самом берегу которого лёгким корабликом смотрится трёхэтажный дом.

Здесь, среди сумятицы горячих лет революции и гражданской войны, трагедий первых лет советской власти М. А. Волошин сумел создать неповторимый стиль бытования и общения, сохранить атмосферу гостеприимства, высокой культуры и творчества. Современники называли его Дом Поэта – как высший символ признания Слова – действенного и спасающего.

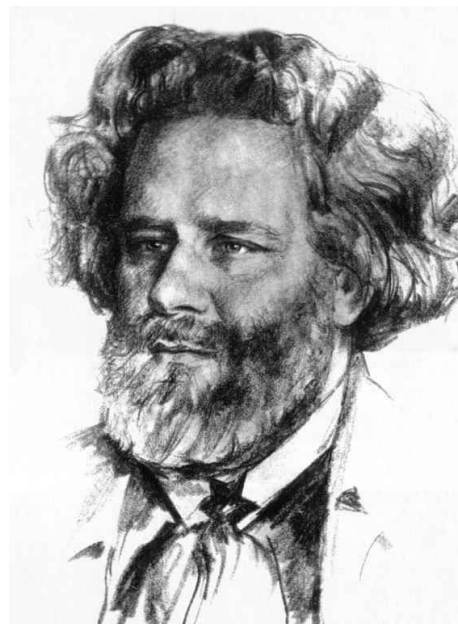
Этот дом – единственный, волею судьбы оставшийся целым от дачного поселка Коктебель, выросшего в конце XIX – начале XX века и, едва ли не единственный в мире, сохранивший тайну и обаяние эпохи Серебряного века в атмосфере жизнетворчества своего хозяина.

**Портрет Волошина работы
Д. Риверы. Париж, 1916 г.**

В нём, как в раковине, затаились десятки тысяч жемчужин – предметов, обладающих исторической памятью.

«... В поэзии Волошина, в его изумительной кисти, рождающей идею им открытого Коктебеля, во всём быте жизни начиная с очерка дома, с расположения комнат, веранд, лестниц до пейзажей художника, его картин, коллекций камушков, окаменелостей и своеобразного подбора книг его библиотеки встаёт нам творчески пережитый и потому впервые к жизни культуры рождённый Коктебель. Сорок лет творческой жизни и дум в Коктебеле, дум о Коктебеле и есть культура раскрытого Коктебеля, приобщённая к вершинам западноевропейской культуры. ... М. А. появлялся в Москве, быстро входя в её злобы дня и выступая главным образом в роли миротворца, сглаживая противоречия между противниками...; и потом бесследно исчезал или в Европу, где он собирал, так сказать, мед с художественной культуры Запада, или в свой родной Коктебель, где он в уединении претворял всё виденное и слышанное им в то новое качество, которое впоследствии и создало дом Волошина как один из культурнейших центров не только России, но и Европы», – писал современник Максимилиана Волошина.

**Портрет Волошина
работы Г. Верейского. 1924**

В самые тяжёлые годы дом был наполнен жильцами, до шестисот человек за лето останавливалось у гостеприимных хозяев. Бесплатный приют для учёных, литераторов, художников, артистов, авиаторов... Отдых, наполненный впечатлениями киммерийской природы, серьёзными научными и культурными дискуссиями, юмористическими розыгрышами и общением с Волошиным вдохновлял творчество гостей.

Впечатлений о незаурядной личности поэта и художника оставлено множество. Он волновал и поражал не только своих друзей, но даже недругов. Забавно, что некоторые чёрточки Волошина периода Гражданской войны угадываются в профессоре Максиме Горностаеве из весьма революционной пьесы Константина Тренёва «Любовь Яровая», созданной в середине 1920-х. Живёт в Крыму, но тоже появлял-

**Портрет работы М. Зайцева
Коктебель. 1925 г.**

ся в Одессе, Советская власть выдала ему охранную грамоту на дом и книги. Характерные черты внешности – борода и буйная причёска. Жена его зовёт “Макс”. Поэтому удалой революционный матрос Швандя убеждён, что это либо Карл Маркс, либо, в крайнем случае, его младший брат. В одной из реплик Горностаева прозвучал такой волошинский мотив: «Десятки тысяч лет работает человек. Из полуживого в полубога вырос. Из пещеры на четвереньках вылез, а теперь взлетел к небу. За тысячи верст голос его слышен. Человек это или бог? Оказывается, всё это призрак. Мы те же полуживотные».

«Те, кто знали Волошина в эпоху гражданской войны, смены правительств, длившейся в Крыму три с лишним года, верно запомнили, как чужд он был метанья, перепуга, кратко временных политических восторгов. На свой лад, но так же упорно, как Лев Толстой противостоял он вихрям истории, бившим о порог его дома...», – вспоминала Е. Герцык.

*...полки книг возносятся стеной.
Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы.*

Мировая война и революция уничтожила понятия о прежних и привычных ценностях. “Наш век болен неврастенией”, – отмечал Волошин, оставшийся Робинзоном в собственном художественно-поэтическом мире, проникнутом высокой нравственностью и гуманизмом. Но даже невзыскательному в быту поэту приходилось думать о способе выживания. “Я надумал поехать в Одессу читать лекции, надеясь заработать. У меня были в Одессе Цетлины, которые меня звали к себе”.

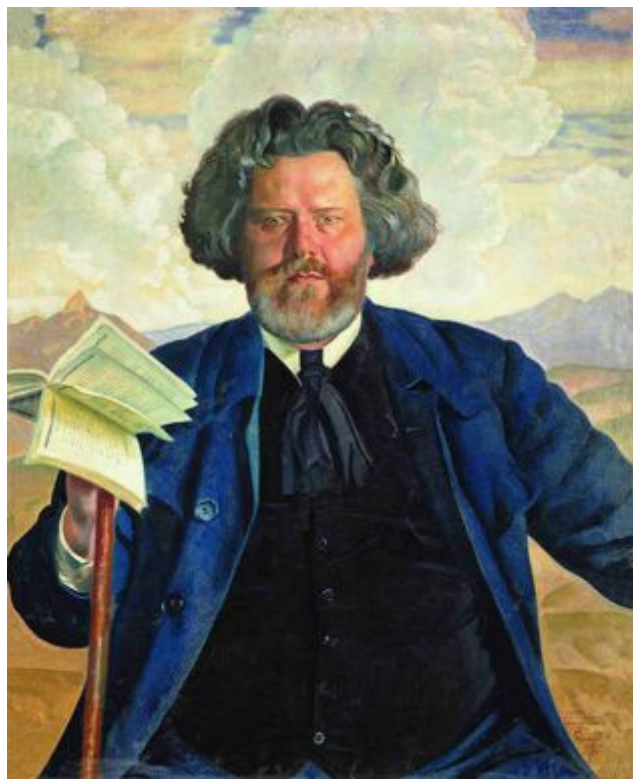
И вот, в конце января сумбурного 1919 года Волошин остановился на Нежинской, 36, у своих, ещё парижских, друзей Марии и Михаила Цетлиных. «Я приехал в Одессу, как в последнее сосредоточение русской культуры и умственной жизни». Именно здесь была последняя остановка перед Великим Исходом. На фоне разношёрстной интервенции, безработицы, тифа и полуголодной жизни, город наводняли беженцы из Совдепии: промышленники, финансисты, чиновники, спекулянты, процветал махровый бандитизм, но параллельно бурлила культурная жизнь. Здесь находились А. Толстой, Е. Кузьмина-Караваева, Тэффи, Г. Шенгели, И. Бунин, В. Дорошевич, Т. Щепкина-Куперник, А. Вертинский, И. Кремер. Выступал И. Поддубный. Выходили десятки газет и журналов. Собирались на лите-ратурные вечера Адалис, Багрицкий, Биск, Гроссман, Инбер, Катаев, Шишова, Фиолетов, Олеша, Бабаджан.

Снимок поэта, сделанный в Одессе фотографом Масловым

Волошин читает стихи на собраниях и в клубах, участвует в диспутах, делает доклады в Литературно-Артистическом и Религиозно-Философском обществах, публикуется в прессе, выступает в «Устной газете» Союза журналистов, подготавливает сборник своих переводов из Э. Верхарна для издательства «Омфалос». Ещё он «с упоением» переводит А. де Ренье и дружелюбно общается с молодыми одесскими поэтами. Ю. Олеша пишет: *«Он отнёсся к нам, молодым поэтам, снисходительно <...> Читал он стихи превосходно <...> Кому он сочувствовал? Чего он хотел для родины? Тогда он не ответил на эти вопросы».* Впрочем, ответы у Волошина были: *«Человек мне важнее его убеждений»* и *«Я имею претензию быть автором собственной социальной системы».*

В цепкой памяти Бунина Волошин 1919 года сохранился таким: «...говорит с величайшей охотой и много, весь так и сияет общительностью, благорасположением ко всему и ко всем, удовольствием от всех и от всего – не только от того, что окружает его в этой светлой, людной и тёплой столовой, но даже как бы ото всего того огромного и страшного, что совершается в мире вообще и в тёмной, жуткой Одессе, в частности, уже близкой к приходу большевиков. Одет при этом очень бедно – так уж истерта его коричневая бархатная блуза, так блестят чёрные штаны и разбиты башмаки <...> Нужду он терпел в ту пору очень большую».

Портрет Волошина
работы Б. М. Кустодиева. 1924 г.

В фондах Коктебельского Дома-музея нашёлся снимок поэта, сделанный в Одессе фотографом Масловым.

В день прихода большевиков, 4 апреля, Волошин проводил в эмиграцию Алексея Толстого, но сам уезжать отказался, пояснив: *«...когда мать больна, дети её остаются с нею».* Близился Первомай и Волошин решил участвовать в праздничном оформлении города, предлагая украсить улицы цветными полотнищами с геометрическими фигурами и поэтическими цитатами, однако новая власть припомнила ему публикации в эсеровской прессе и вывела из состава бригады художников.

Хотелось домой, в Коктебель. Волошин использует знакомство с председателем Одесской ЧК и получает разрешение на выезд в Крым. Но как? Приходит на помощь человек невероятной биографии, контр-адмирал Александр Немитц, и выделяет имеющийся в наличии единственный дубок «Казак» с тремя матросами-чекистами, командированными будто бы для связи с Севастополем.

*А сзади – город,
Весь в красном исступлении
Расплесканных знамён,
Весь воспаленный гневами и страхом,
Ознобом слухов, дрожью ожиданий,
Томимый голодом, поветриями, кровью,
Где поздняя весна скользит украдкой
В прозрачном кружеве акаций и цветов...*

Четверо суток плавания спокойными не были, море было блокировано французскими миноносцами, и на подозрительный дубок высадился один из офицеров. Волошин говорил с ним без переводчика, представился беженцем, попутно выяснилось, что в Париже имеются общие знакомые, и всё, в общем, обошлось. Судёнышко достигло крымских берегов, где для начала всё же было обстреляно из пулеметов. А Волошин при этом переводил Анри де Ренье.

Несмотря на постоянные хлопоты, связанные с отношениями с властями, содержанием усадьбы и хозяйством, в двадцатые годы Волошин открыл большой и серьёзный этап своего поэтического творчества, написал большое количество прекрасных киммерийских акварелей, о которых художник и взыскательный критик Александр Бенуа писал: «Не так уж много в истории живописи, посвящённой только “настоящим” художникам, найдётся произведений, способных вызвать мысли и грёзы, подобные тем, которые возбуждают импровизации этого “дилетанта”...»

**Портрет М. Волошина
раб. Петрова-Водкина**

С 1929 года здоровье Максимилиана Волошина резко ухудшилось, душевное состояние давило обострённое чувство происходящего в стране – всё явственней давали о себе знать приближающиеся тридцатые, всё чаще приходили известия об арестах и гибели знакомых, но он продолжал работать над стихами и акварелями, принимать гостей.

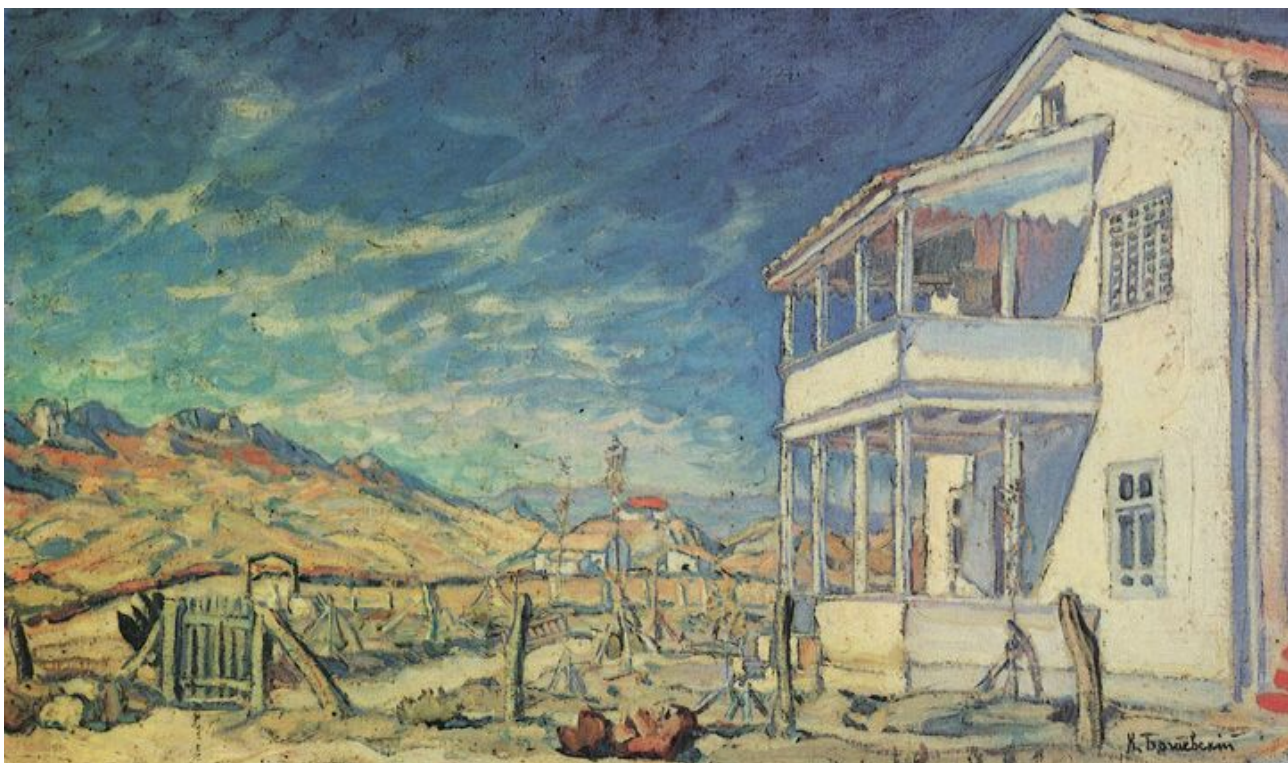
Пытаясь отстоять будущее созданного им Дома Поэта, в 1931 году М. А. Волошин передал дом матери и первый этаж своего дома Всероссийскому союзу советских писателей для устройства дома творчества. Дом М. А. Волошина стал корпусом №1, а дом Е. О. Кириенко-Волошиной – корпусом №2 Дома творчества ВССП.

На втором-третьем этажах дома М. А. Волошина до 1976 года проживала его вдова Мария Степановна Волошина. После смерти поэта в 1932 году она сохранила мемориальную обстановку комнат Максимилиана Александровича и сберегла Дом Поэта, библиотеку, архив.

Дом Максимилиана Волошина – Дом Поэта продолжал играть значительную роль в культуре и литературном процессе XX века и после ухода хозяина. Символ свободо-

мыслия и свободотворчества, он привлекал в Коктебель творческую интеллигенцию. Не одно поколение поэтов говорили о влиянии Волошина на становление их творчества. В разное время в Доме Поэта работали и отдыхали известнейшие деятели культуры и науки: Н. Гумилев, В. Брюсов, С. Соловьев, В. Ходасевич, О. Мандельштам, М. и А. Цветаевы, Г. Шенгели, К. Чуковский, И. Эренбург, А. Толстой, М. Булгаков, М. Горький, В. Вересаев, А. Габричевский, Н. Замятин, Л. Леонов, М. Пришвин, К. Паустовский, К. Тренев, А. Твардовский, П. Воронько, П. Тычина, И. Бродский, В. Некрасов, В. Аксенов, Э. Голлербах, А. Сидоров, А. Бенуа, А. Лентулов, А. Остроумова-Лебедева, К. Петров-Водкин, Б. Кустодиев, В. Поленов, Р. Фальк, П. Кончаловский, Е. Лансере, Г. Нейгауз, Св. Рихтер, Н. Обухова, С. Королев, К. Арцеулов, О. Антонов, С. Лебедев и многие другие.

По просьбе М. С. Волошиной в 1975 году были начаты работы по созданию музея, и лишь 1 августа 1984 года Дом-музей М. А. Волошина широко распахнул двери для посетителей. Это была ещё одна маленькая победа культуры над идеологией.

К. Ф. Богаевский. Дом Максимилиана Волошина

Дом-музей М. А. Волошина сегодня является одним из уникальнейших музеев, сохранивших аутентичность коллекции в мемориальном здании. Почти вся мебель в Доме сделана руками хозяина и представляет собой произведения искусства с росписями, инкрустациями и выжиганием. Дом наполнен предметами, книгами и раритетами, приобретенными, подаренными, привезенными из-за границы. Волею судьбы и усилием многих людей все эти вещи сохранялись на местах, определённых им хозяином на столетие ранее, и вместе с архивом и художественным наследием

Максимилиана Волошина сегодня составляют фондовую коллекцию музея, насчитывающую более 55 тыс. единиц хранения. Для Европы, пережившей не одну войну, это – редчайшее явление в музейном мире.

*Войди, мой гость: стряхни житейский прах
И плесень дум у моего порога...*

М. А. Волошин

«Дом Поэта»

По статьям: Н. М. Мирошниченко, в научно-методическом и культурно-просветительском журнале «Лицей на Пушкинской», № 24. 2007-2008; и краеведа Сергея Калмыкова